

Евгений ЕВТУШЕНКО Ч У Д Е С НЕОБХОДИМОСТЬ

Перед писательским съездом первый вопрос — это вопрос качества. Недавно прочитал я строки о том, что у героя в душе «прибойно гудело желание» сказать что-то важное, а мозг освещало «светлым заревом». Это не из потока графоманских рукописей, возвращаемых с беспощадно вежливым приговором литконсультанта. Это из вещи опубликованной.

У нас завал произведений опубликованных, но ненаписанных. Наша обыденная мистика, когда о ненаписанных книгах печатаются ненаписанные статьи. Печально, если в метро или электричке видишь усталого хорошего человека, прилежно читающего книгу, которой на самом деле не существует. Все, что вне языка, — вне литературы, но часто, к сожалению, не вне бумаги. Под красотой языка я не подразумеваю кропотливую инкрустацию пустых шкатулок. Бунин даже утреннюю дымку умел оттаивать, но внутри этой дымки не было пусто. «Железный поток» Серафимовича далек от бунинской дымки — это дымящиеся пот и кровь гражданской войны, это нечто прущее, ревущее, но и в этом есть красота языка, только другая. Есть тайная отточенность внешней неуклюжести. Каждое настоящее произведение устанавливает собственный закон для себя.

Красота языка настоянна на полыни и чабреце в «Тихом Доне», густа, как сбитень, в «Петре Первом», расхристана, как мохнатая грудь Ибрагима-оглы в «Угрюм-реке», лукаво и нежно сакцентирована в «Одесских рассказах», удлинненно-возвышенна (во «Фро». «Мастер и Маргарита» написан по двум параллельным законам — фантазмагорически - язвительным языком наповского гротеска и приподнято-грустным языком трансформированной библейской легенды.

А все-таки есть общий закон красоты языка — это закон плотности. Неслучайность каждого слова. Нагрузка на каждый миллиметр бумаги. Только тогда создается

ощущение чуда, без которого нет искусства. Чудо может быть огромным, как «Война и мир», или крошечным, как «Я пришел к тебе с приветом...» Но нам необходимы и чудо большое, и чудо маленькое, ибо то и другое есть часть искусства, невозможного без чудесного.

Чудо в искусстве невозможно без глубокой внутренней культуры. Есенин не был таким уж малограмотным, как хотелось бы некоторым его подражателям, которые самодовольно прозябают в бескультуре. Они считают, что достаточно воскликнуть «Гой ты, Русь...», и они — Есенины.

Человек с действительно глубокими корнями ими не хвастает — это для него так же нелепо, как хвастать собственными ногами, на которых он стоит. В народных песнях, таких, как «Славное море...», «Догорай, гори, моя лучина», «Что стоишь, качаясь...», нет никакого хвастовства, и именно поэтому эти песни глубоко народные.

Чудо искусства невозможно при безучастном любопытстве к жизни, подменяющем в холодных ремесленниках гражданское равнодушие. Безучастное любопытство накладывает непреодолимый холодный металлический отсвет на слова даже талантливых художников.

Чудо искусства немыслимо без историзма. Не обязательно этот историзм публицистически декларировать. Платонов, например, этого не делал, но все его творчество — это метофорическая история России: и петровские времена, и начало коллективизации, и первые пятилетки, и Великая Отечественная.

Слово писатель в нашей стране слово, по праву уважаемое. Велик престиж нашей литературы, несущей на своих плечах сознание ответственности за духовное состояние народа.

Народ — чудотворец, и он ждет от нас, его сыновей, необходимых, как хлеб насущный, чудес искусства.

Сов. культура, 1981,
30 июня